

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД В 46.
В ЕГО КОМПАНИИ
МЕНЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Виолетта Весна

**Развод в 46. В его компании
меня не существует**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод в 46. В его компании меня не существует / В. Весна —
«Автор», 2026

— В моей компании тебя не существует, — говорит муж после двадцати четырех лет брака. В сорок шесть я узнаю: на бумаге у меня нет ни должности, ни доли. Только годы работы, десятки спасенных контрактов и соглашение, которое Сергей приготовил заранее: квартира в обмен на отказ от любых претензий. Я отказываюсь. Чтобы вернуть себе имя, я принимаю первый независимый контракт — кризисный проект, где каждая ошибка стоит миллионов. Павел Горин, руководитель проекта, не обещает меня спасти. Он требует честности, которой я сама когда-то избегала, и первым называет меня автором собственных решений. Но когда прошлое догоняет новый объект, мне придется выбирать: снова незаметно спасти компанию бывшего мужа или остановить опасную работу, рискуя контрактом, репутацией и отношениями с мужчиной, которому я только начала доверять. Я больше не исчезну ради чужого успеха.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Нулевая должность	5
ГЛАВА 2. То, что можно доказать	11
ГЛАВА 3. Чужой объект	17
ГЛАВА 4. Семьдесят два часа	22
ГЛАВА 5. Семейная версия	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виолетта Весна

Развод в 46. В его компании меня не существует

ГЛАВА 1. Нулевая должность

— В моей компании тебя не существует, — сказал Сергей.

Он произнес это без злости. Так же сообщал подрядчику, что смета не пройдет согласование, или объяснял менеджеру банка, почему ставка должна быть ниже. Спокойный голос, ровная спина, ладонь рядом с закрытой папкой. За двадцать четыре года брака я научилась узнавать момент, когда муж уже договорился с собой и пригласил остальных только для оформления решения.

Мне было сорок шесть, и большую часть взрослой жизни я решала проблемы этой компании. Ни одна из них прежде не начиналась с необходимости доказать, что я там была.

Адвокат Сергея сидел между нами, хотя широкий стол позволял выбрать любое место. За его спиной висела фотография Нижнего Новгорода, сделанная с высоты: река, мост, ровные кварталы. С такого расстояния не было видно ни пробок, ни просроченных поставок, ни людей, которые с утра выясняли, кто забыл заказать крепеж.

— Повторите, пожалуйста, — попросила я.

Сергей посмотрел на адвоката. Тот раскрыл папку.

— Инна Сергеевна, речь идет исключительно о юридической структуре, — сказал он. — Вы никогда не состояли в штате общества, не занимали руководящей должности и не являлись участником. Сергей Павлович предлагает вам соглашение, которое избавит обе стороны от длительного спора.

На стол легли девять страниц. Я не стала брать ручку, которую адвокат предусмотрительно положил справа от меня.

— Как вас зовут? — спросила я.

Он на секунду растерялся.

— Вадим Леонидович Корнев.

— Вадим Леонидович, вы сказали три разных вещи. В штате меня не было. Должности не было. Участником записан Сергей. С этим я не спорю. Откуда следует, что спорить не о чем?

— Я не говорил, что спорить не о чем.

— Вы предложили избавить меня от спора до того, как назвали предмет.

Сергей отвел взгляд к окну. В октябре темнело рано, но сейчас было только половина пятого. На стекле отражались лампы переговорной и наши лица. Мое оказалось ближе остальных: темные волосы, серебряная прядь у виска, спокойное выражение, которого я не чувствовала.

— Ин, давай без этого, — произнес Сергей. — Мы оба понимаем, кто создавал компанию и кто за нее отвечал.

Сокращенное имя, которым он пользовался дома, в чужой переговорной прозвучало фамильярно.

— Именно поэтому я задаю вопросы.

Я придвинула соглашение. На первой странице стояло: квартира в Советском районе переходит в мою собственность после государственной регистрации раздела. Следом шло условие: я отказываюсь от требований в отношении доли в ООО «Северный контур», его доходов, стоимости активов и любых выплат, связанных с деятельностью общества.

Формулировка занимала семь строк. Квартира — две.

— Где оценка? — спросила я.

— Квартиры? — уточнил Вадим Леонидович.

— Компании.

— Для соглашения она не требуется. Стороны вправе определить условия по своему усмотрению.

— Значит, оценки нет.

— У нас есть управленческие данные.

— Они приложены?

Он перелистнул две страницы, хотя знал ответ.

— В соглашении указан состав имущества, которое передается вам.

— А состав имущества, от которого я отказываюсь?

Сергей положил ладонь на папку. Короткие ногти, знакомый шрам возле большого пальца. Когда-то мы вместе разгружали первые коробки с крепежом в арендованном складе. У меня остался шрам на ладони, у него — на пальце. Потом он нанял водителей и перестал бывать на разгрузках, а я продолжала приезжать, когда счет в накладной не совпадал с фактическим количеством.

— Компания в долгах, — сказал он. — Ты знаешь это лучше многих. Я оставляю тебе квартиру без ипотеки и не прошу участвовать в обязательствах.

— Какие обязательства ты предлагаешь мне не делить?

— Рабочие.

— Сумма?

— Она меняется каждый день.

— Тогда должна быть дата, на которую ее посчитали.

Вадим Леонидович вмешался прежде, чем Сергей ответил:

— Инна Сергеевна, при желании вы можете привлечь консультанта. Наше предложение действует десять календарных дней.

Я посмотрела приложение. Там перечислялись квартира, обстановка и автомобиль, которым Сергей пользовался последние четыре года. Автомобиль оставался ему. Про дачу под Бором не было ни слова. Про деньги на двух счетах тоже. Возможно, адвокат готовил первый вариант, рассчитанный на привычную Инну: уточнить, кого надо вызвать на объект завтра, проверить зарплатную ведомость, заказать подарок дочери и не портить вечер спором о своем.

— Когда зарегистрирован «Северный контур»? — спросила я.

Сергей усмехнулся, но быстро вернул лицу деловое выражение.

— Ты была рядом. Должна помнить.

— Помню. В апреле две тысячи восьмого. Мы были женаты шесть лет. Стартовый взнос внесли с общего счета после закрытия вклада. Это есть в ваших управленческих данных?

Вадим Леонидович снял очки, протер их салфеткой и снова надел.

— Источник первоначального финансирования не определяет автоматически текущую стоимость бизнеса.

— Поэтому я спросила об оценке.

Сергей подался вперед.

— Ты хочешь получить половину фирмы, которая без меня прекратит существовать за месяц?

— Я пока хочу узнать, сколько стоит то, от чего мне предлагают отказаться.

— Ты видела наши цифры.

— Последние два месяца — нет. Мой доступ закрыли в августе.

На лице Вадима Леонидовича ничего не изменилось. Сергей коротко потер подбородок. Значит, адвокат не знал о доступе или считал его семейной мелочью.

Я открыла следующую страницу. Внизу стояла дата подготовки: тридцатое сентября. За неделю до того Сергей попросил меня срочно найти замену подрядчику на объекте в Арзамасе. Я обзвонила семерых, согласовала новое окно поставки и отправила итоговую таблицу с личной почты, потому что корпоративный адрес уже не работал. Он ответил одним словом: «Принято».

В его компании меня не существовало, но мои письма туда доходили.

— Зачем ты позвал меня на встречу? — спросила я Сергея. — Ты мог передать соглашение курьером.

— Я хотел сделать все по-человечески.

— Тогда объясни по-человечески. Ты уходишь. К кому?

Он снова посмотрел на адвоката. На этот раз Вадим Леонидович не пришел ему на помощь.

— Это не относится к имуществу.

— К имуществу не относится. К нашему разговору относится.

Сергей разжал пальцы.

— Я снимаю квартиру на улице Белинского. Буду жить там.

— Один?

— С Кирой.

Имя не стало неожиданностью. Последние месяцы Кира Мельникова сопровождала Сергея на встречах, которые раньше он проводил сам. Она присылала мне вопросы по платежному календарю, просила контакты поставщиков, уточняла, кто из руководителей участков способен принять решение без Сергея. Я отвечала. В июне она написала: «Спасибо, вы очень выручаете нас обоих». Тогда я решила, что речь о работе.

— Сколько это продолжается?

— Инна, не надо.

— Мне нужна дата.

— Семь месяцев.

Я нашла в календаре март без телефона. Валерия защищала курсовой проект, у Сергея была поездка в Казань, я две недели закрывала спор с поставщиком металла и каждое утро оставляла мужу кофе в термосе, потому что он выезжал раньше меня. Семь месяцев помещались в обычную жизнь без единого дня, который можно было бы назвать началом конца.

— Кира знает о соглашении?

— Это касается нас с тобой.

— Хорошо. Тогда не будем включать ее в разговор.

Я вернулась к документу. Пятый пункт запрещал сторонам распространять сведения, способные причинить вред деловой репутации друг друга. Формулировка была шире обычной и не делала исключения для суда, оценщика или государственного органа.

— Этот пункт придется переписать, — сказала я. — В таком виде он запрещает мне подтверждать требования документами.

— Никто не запрещает тебе защищать права, — возразил Вадим Леонидович.

— Тогда так и укажите.

— Мы можем обсудить редакцию после принципиального согласия.

— Принципиального согласия нет.

Сергей откинулся на спинку кресла. Я много раз видела, как он переживал сопротивление заказчика. Сначала давал человеку высказаться, потом повторял предложение медленнее, будто проблема возникла из-за скорости речи.

— Тебе остается квартира стоимостью больше пятнадцати миллионов, — сказал он. — Ты никогда не интересовалась корпоративным управлением. Не была на совещаниях с банком, не подписывала кредиты, не отвечала перед налоговой. Я предлагаю тебе безопасность.

- Квартира куплена в браке.
- Я мог бы требовать раздела.
- И я могу требовать раздела остального.

Он помолчал. За стеной кто-то включил кофемашину; через минуту в переговорной появился запах свежего кофе. Ни один из нас не попросил принести чашку.

- Чего ты хочешь? — спросил Сергей.

Раньше на этот вопрос у меня всегда был ответ. Чтобы деньги ушли до трех, иначе водитель не загрузится. Чтобы Валерия не волновалась перед защитой. Чтобы Сергей поел до вечерней встречи. Хотеть для себя оказалось медленнее.

— Получить копию предложения, — сказала я. — Полный перечень общего имущества. Сведения, на основании которых вы утверждаете, что компания в долгах. Время на независимую консультацию.

- И все?
- Для сегодняшней встречи — да.

Вадим Леонидович собрал листы, выровнял их о стол и протянул мне один экземпляр. Ручку он убрал.

- Десять дней, — напомнил Сергей.
- Если предложение разумное, оно не перестанет быть разумным на одиннадцатый.
- Я не собираюсь месяцами обсуждать развод.
- Мы обсуждаем его двадцать минут. Остальное ты подготовил без меня.

Он хотел ответить, но я закрыла папку. Не демонстративно, без удара по столу. Совещание закончилось, потому что я больше не соглашалась быть последним пунктом в чужой повестке.

В приемной Вадим Леонидович догнал меня у стойки администратора.

- Инна Сергеевна, личный совет, если позволите.
- Вы представляете Сергея. Личных советов в такой ситуации не бывает.
- Тогда профессиональное наблюдение. Судебный спор о бизнесе дорогой и долгий.

Итог может оказаться хуже предложения.

- Может. Поэтому мне нужна независимая оценка риска.
- Вы уверены, что хотите превратить семейную историю в корпоративный конфликт?

Я надела пальто. Администратор делала вид, что занята монитором, но пальцы у нее замерли над клавиатурой.

- Его превратили до моего прихода. Я только не стану подписывать итог вслепую.

На улице шел мелкий дождь. Я раскрыла зонт, дошла до перекрестка и заказала такси. До дома приложение показывало сорок две минуты. Раньше я использовала это время, чтобы проверить сообщения с объектов. Сейчас корпоративный чат исчез с телефона, зато остались три личных письма от прорабов, два вопроса от бухгалтерии и сообщение от Киры, отправленное утром.

«Инна Сергеевна, добрый день. Подскажите, пожалуйста, контакт по огнестойким перегородкам. Сергей сказал, он у вас».

Я перечитала текст и ничего не ответила. Контакт действительно был у меня. Человек работал со мной восемь лет и ни разу не встречался с Сергеем лично. Передавать его номер после сегодняшнего разговора казалось мелочной услугой, отказать — мелкой мстью. Я убрала телефон в сумку. Решение можно было принять завтра, когда перестану отвечать на все сразу.

В такси я открыла банковское приложение. Седьмого числа Сергей обычно переводил сто восемьдесят тысяч на общие расходы: коммунальные платежи, продукты, помощь Валерии, уборку, страховку, мелкий ремонт. В этот день перевода не было.

На личном счете оставалось триста сорок тысяч двести шестнадцать рублей. Я всегда знала точные остатки компании и почти никогда — собственный.

Водитель включил радио тише и спросил, не холодно ли мне. Я ответила, что все в порядке. От делового центра до площади Свободы мы ехали двадцать семь минут, затем застряли у ремонтируемого участка. Я смотрела на красные сигналы впереди и считала обычные расходы. Коммунальные — двадцать две тысячи с отоплением. Продукты — около тридцати. Валерии мы переводили по тридцать пять каждый. Страховка на машину должна была списаться в конце месяца, но машина оставалась Сергею. Гонорар юристу я пока не знала.

Без дохода запас мог закончиться быстро. Квартира не покупала еду и не оплачивала специалиста по оценке бизнеса.

Дома я первым делом заметила пустое место в прихожей. Сергей забрал темные ботинки и серую куртку, которую носил осенью. В спальне исчезли два костюма, дорожная сумка и зарядка с его стороны кровати. Он собирался заранее и выбрал вещи так, чтобы не возвращаться в ближайшие дни.

На кухонном столе лежала запасная связка ключей. Рядом — короткая записка: «Остальное заберу позже. По квартире договоримся».

Я сняла мокрое пальто, повесила его в ванной и поставила чайник. Потом передумала, налила стакан воды и села с папкой. Мне требовалась последовательность, а не крепкий чай.

Первым делом я сфотографировала каждую страницу. Затем проверила свойства файла, который Вадим Леонидович прислал на почту сразу после встречи. Документ создали двадцать третьего сентября. За четыре дня до этого Сергей поздравлял меня с днем рождения в ресторане. Подарил серьги, спросил, не хочу ли зимой поехать к морю, и трижды выходил отвечать на звонки.

Я сняла серьги утром и машинально положила в шкатулку. Теперь достала их, нашла чек в электронных письмах и записала дату покупки в отдельную таблицу. Не потому, что собиралась делить подарок. Мне нужно было увидеть порядок событий, который существовал рядом со мной.

Вторая строка таблицы: март — начало отношений Сергея и Киры, со слов Сергея.

Третья: август — отключен доступ к корпоративной почте.

Четвертая: девятнадцатое сентября — день рождения.

Пятая: двадцать третье сентября — создан проект соглашения.

Шестая: тридцатое сентября — дата на документе.

Седьмая: седьмое октября — предложение и прекращение перевода на бытовые расходы.

Я посмотрела на строки и впервые допустила, что семь месяцев Сергей не сомневался. Он готовил удобный выход, пока я закрывала то, что мешало его компании работать.

Телефон показал два сообщения. Первое было от Валерии: фотография макета и вопрос, нравится ли мне вариант фасада. Второе — от Сергея.

«Надеюсь, ты успокоишься и прочитаешь предложение без эмоций. Оно честное».

Я ответила дочери, что левый вход понятнее и людям не придется пересекать служебный проезд. Сергей получил уведомление о прочтении без ответа.

Потом я нашла номер Марины Зориной. Светлана Яковлева дала его два года назад, когда одна из наших сотрудниц разводилась и Сергей хотел помочь ей найти хорошего специалиста. Я тогда сохранила контакт под именем «Марина, семейное право» и не думала, что воспользуюсь сама.

Она ответила после четвертого гудка.

— Марина Викторовна? Меня зовут Инна Астафьева. Ваш номер мне дала Светлана Яковлева.

— Слушаю вас.

Я открыла соглашение на первом пункте.

— Муж предложил мне развод и квартиру в обмен на отказ от требований к компании. Компания зарегистрирована в браке, но я нигде не оформлена.

— Вы работали в ней?

Слово требовало ответа короче всей моей семейной истории.

— Да, — сказала я. — Двадцать лет.

— Тогда начнем с того, что можно подтвердить. Завтра в десять вам удобно?

Я посмотрела на календарь. В десять у меня стоял созвон с прорабом по Арзамасу, хотя платить за этот созвон мне уже никто не собирался.

— Удобно.

Я удалила встречу из календаря и добавила новую: «Зорина. Консультация».

В графе участников впервые была только я.

ГЛАВА 2. То, что можно доказать

К десяти утра у меня было три списка.

В первом я записала все, что делала для «Северного контура» за двадцать лет. Список занял шесть страниц и оказался бесполезно широким: от поиска первого склада до переговоров по сорванной поставке в Арзамас. Во втором оставила только то, что могла подтвердить письмом, доверенностью, банковским переводом или человеком, который видел меня за работой. Получилось меньше половины. Третий состоял из вопросов, на которые я не знала ответа.

С ним я и пришла к Марине Зориной.

Ее офис находился на втором этаже бывшего доходного дома, в трех комнатах с высокими окнами и обычной мебелью. На стене за рабочим столом висели диплом и календарь заседаний. Ни золотых весов, ни фотографий рукопожатий с известными людьми.

Марина была ниже меня, носила короткую стрижку и говорила так, будто каждое слово потом придется подтвердить.

— Покажите соглашение, — попросила она после знакомства.

Я передала папку и ждала, пока она прочитает все девять страниц. Марина не комментировала по ходу чтения, только отметила карандашом три места. Сергей прочел бы документ за четыре минуты и сразу назвал итог. Я привыкла считать скорость признаком уверенности. Сейчас медленное чтение успокаивало.

— Начнем с неприятного, — сказала Марина. — Фраза мужа не имеет силы судебного решения. Но ваше ощущение, что вы двадцать лет создавали компанию, тоже не является готовым требованием. Нам нужно разделить несколько вопросов.

Она повернула ко мне чистый лист и написала четыре слова: брак, имущество, доля, работа.

— Брак вы оба хотите расторгнуть?

— Да.

Ответ дался легче, чем накануне. Возможно, потому что Сергей в этой комнате отсутствовал.

— Несовершеннолетних детей нет. Если согласие сохранится, можно подать совместное заявление через ЗАГС. Имущественный спор рассматривается отдельно. Дальше: доля в обществе зарегистрирована на мужа. Это не означает, что стоимость приобретенного в браке актива заведомо принадлежит только ему. Но суд будет смотреть на дату, источник средств, соглашения между вами, обязательства, реальную стоимость и состав общего имущества.

— Я могу получить половину компании?

— Получить половину ее расчетной стоимости, долю как имущество, иной актив или сочетание вариантов — предмет оценки и требований. Стать участником общества и начать управлять им одной фразой в иске нельзя. Устав, права других лиц и корпоративные процедуры никуда не исчезают.

— Сергей единственный участник.

— Это упрощает одну часть и не отменяет остальные. Когда создано общество?

— В апреле две тысячи восьмого.

— Брак зарегистрирован?

— В две тысячи втором.

— Стартовые деньги?

— Мы закрыли совместный вклад. Там было около восьмисот тысяч. Точную сумму найду в выписке.

Марина записала дату.

— Теперь работа. Вы хотите требовать признания трудовых отношений, заработную плату за прошлые годы, компенсацию?

Я открыла рот и остановилась. До встречи мне казалось, что эти вопросы соединены. Если доказать, что я работала, суд должен признать мой вклад, оценить его и вернуть мне все годы одной суммой. В изложении Марины возникали разные дороги, каждая со своими сроками и доказательствами.

— Я хочу, чтобы Сергей не мог сказать, что меня там не было.

— Это понятная цель. Юридической формулировкой она пока не является.

— Значит, не имеет значения?

— Имеет. Для переговоров, для хронологии бизнеса, для проверки источников дохода и отдельных операций. Возможно, для другого требования, если факты его поддержат. Но обещать вам двадцатилетнюю зарплату я не стану. Вы заключали трудовой договор?

— Нет.

— Гражданский?

— Нет.

— Зарплата поступала с расчетного счета общества?

— Нет. Сергей переводил деньги на хозяйство.

— С назначением платежа?

— Обычно «семейные расходы».

— Вы подчинялись установленному графику, получали приказы, отпуск, должностные задания?

— Задания получала. Иногда в два часа ночи. Приказов не было.

Марина едва заметно улыбнулась.

— В семейной жизни много фактической работы, которую закон не превращает автоматически в трудовой договор. Мы не будем смешивать линии ради красивого рассказа. Сначала имущество. Параллельно соберем вашу рабочую хронологию и посмотрим, что она дает.

Я вынула свои списки. Марина просмотрела первый, второй изучила внимательнее, третий положила рядом с блокнотом.

— Правильная последовательность, — сказала она. — Теперь правила сбора. Вы не входите в корпоративную почту после отзыва доступа. Не просите сотрудника переслать базу. Не забираете оригиналы из офиса. Не уговариваете бухгалтера нарушить обязанности. Используем то, что законно находится у вас, общие банковские документы, открытые сведения и официальные запросы.

— У меня дома есть старые доверенности.

— Ваши экземпляры?

— Да. Часть закончилась несколько лет назад.

— Подойдут для хронологии. Что еще?

— Переписка с личной почты. Поставщики. Календари совещаний. Некоторые акты я готовила, но подписывал Сергей.

— Готовили как?

— Сводила замечания, проверяла суммы, собирала приложения и передавала ему финальную версию.

— Сохранились письма с файлами и ответами?

— Должны.

— Слово «должны» помещаем в третий список. Когда найдете, перенесем во второй.

Я записала. За годы работы я столько раз произносила эту фразу другим, что услышать ее в свой адрес было почти приятно.

— Еще один вопрос, — продолжила Марина. — Брачный договор, соглашение о раздельном имуществе, крупные подарки, наследство?

— Брачного договора нет. Наследства тоже. Квартиру покупали в браке. Дача оформлена на Сергея, автомобиль на компанию, второй автомобиль продали весной.

— Если автомобиль принадлежит обществу, это имущество общества, а не ваш семейный автомобиль в прямом смысле. Его стоимость может влиять на оценку доли. Не включаем одну вещь дважды.

Я вычеркнула автомобиль из списка общего имущества. Вчера он был для меня доказательством несправедливости: Сергей уезжает на машине, купленной в годы брака. Сегодня у машины появился владелец, а у моего возмущения — граница.

— Дача куплена на какие деньги?

— На наши. В две тысячи пятнадцатом.

— Документы запросим. Счета?

Я назвала два банка. Марина спросила, есть ли у меня доступ к общему счету. Доступ был, но остаток за последние недели уменьшился. Мы открыли приложение на моем телефоне. Двенадцатого сентября Сергей перевел два миллиона на счет, номера которого я не знала.

— Не делайте выводов, — предупредила Марина. — Перевод может иметь деловую или семейную причину. Сохраняем выписку и запрашиваем пояснения.

— Он мог вывести деньги?

— Мог. Мог погасить обязательство. Мог перевести между собственными счетами. Пока у нас есть операция, дата и сумма.

Я скачала выписку. В строке назначения стояло: «Перевод собственных средств».

— Сколько стоит ваша работа? — спросила я.

Марина назвала сто восемьдесят тысяч за первый этап: анализ документов, подготовку позиции и первичные запросы. Оценка, суд и дополнительные действия оплачивались отдельно.

Вчера вечером я примерно заложила сто тысяч. Ошибка стоила почти четверти моего остатка.

— Я могу подумать до завтра?

— Конечно. Только не подписывайте соглашение и не спорьте по операциям напрямую, пока думаете.

— Если я заплачу сегодня, когда начнем?

— Сегодня. Но решение должно исходить из вашего расчета, а не из страха, что я исчезну.

Я открыла банковское приложение. После оплаты у меня оставалось сто шестьдесят тысяч двести шестнадцать рублей. Этого хватало на обычную жизнь примерно на два месяца, если не возникнут оценка, ремонт или желание однажды поужинать за пределами дома.

— Начинаем, — сказала я.

Марина отправила договор на мою почту. Я прочитала предмет, этапы, порядок оплаты и прекращения работы. На третьей странице нашла фразу о дополнительных расходах и спросила, что в них входит. Потом подписала.

У моего решения была цена, обозначенная цифрами. От этого оно не становилось менее страшным, зато переставало быть жестом.

На следующий день мы с Сергеем встретились у ЗАГСа за пятнадцать минут до назначенного времени. Он приехал один, в темном пальто, с телефоном у уха. Закончив разговор, кивнул мне вместо приветствия.

— Вадим сказал, ты взяла документы.

— Да.

— Уже нашла адвоката?

— Юриста.

— Быстро.

— Ты начал семь месяцев назад. Мне пришлось сократить подготовительный этап.

Он оглянулся на людей у входа. Никто не обращал на нас внимания: молодая пара сверяла заявление, мужчина с папкой спорил по телефону, женщина придерживала дверь для пожилой матери.

— Давай хотя бы здесь без сцены, — попросил Сергей.

— Я ответила на твой вопрос.

Внутри сотрудница проверила паспорта и спросила, подтверждаем ли мы взаимное согласие. Сергей ответил первым. Я сказала «да» и услышала собственный голос без дрожи. Нам объяснили порядок, назвали дату регистрации расторжения брака — десятое ноября — и передали документы на подпись.

Я читала каждую строку. Сергей закончил раньше и ждал, постукивая пальцем по краю стойки.

— Здесь нет имущества, — сказал он, когда мы вышли.

— Я вижу.

— Чтобы потом ты не утверждала, что не понимала.

— Не буду. И ты не утверждай, что заявление о разводе означает согласие с твоим соглашением.

— Мы могли закрыть все за одну встречу.

— Ты мог принести оценку и полный список.

— Я принес квартиру.

— Она стояла на месте до нашей встречи.

Он посмотрел на меня внимательнее. Усталость под глазами раньше вызвала бы у меня вопрос, сколько он спал и ел ли утром. Я отметила ее и ничего не спросила.

— Кира считает, что ты работаешь на эмоциях, — сказал Сергей.

— Мы договорились не включать ее в разговор.

— Я хочу, чтобы ты понимала: никто не пытается тебя обмануть.

— Тогда предоставьте цифры моему юристу.

Я ушла к остановке. Сергей не пошел следом. Через десять минут Марина получила фотографию расписки о принятом заявлении и дату следующего визита. Она ответила: «Принято. Имущественную линию ведем отдельно».

В субботу я начала разбирать домашний шкаф, который много лет называла архивом. На верхней полке лежали коробки с документами по квартире и даче. Ниже — папки Валерии: сад, школа, университет, медицинские справки, грамоты. Рабочие бумаги занимали два нижних ящика и часть антресоли.

Я разложила на полу четыре стопки: мое, общее, компания, проверить происхождение. Старые доверенности нашлись в синей папке. Первая была выдана в две тысячи девятом году на получение товара и представление интересов перед складом. Потом полномочия расширились: переговоры с поставщиками, получение корреспонденции, передача документов. Ни одна доверенность не делала меня руководителем, но каждая противоречила слову «никогда».

В середине дня позвонила Валерия.

— Мам, ты дома?

— Да.

— Можно приеду? У меня вещи остались, и надо поговорить.

Она появилась через сорок минут с рюкзаком, свернутым тубусом и коробкой пирожных. Поставила коробку на кухне, посмотрела на папки в гостиной и сразу спросила:

— Вы разводитесь?

Я предложила сесть. Валерия отказалась и осталась у стола, придерживая ладонью тубус.

— Да. Заявление подали вчера. Десятого ноября брак расторгнут, если никто не передумает.

— Ты передумаешь?

— Нет.

— Папа?

— Спроси у него.

Она резко поставила тубус на пол.

— Вот только не надо так.

— Как?

— Делать вид, что я задала неправильный вопрос. Он вчера написал, что вы приняли взрослое решение и имущество поделите мирно. Сегодня просил объяснить тебе, что суд разрушит компанию. Я не знаю, что из этого правда, и не хочу бегать между вами.

— Не будешь.

— Ты сейчас говоришь, а через неделю попросишь вспомнить, когда он впервые привел Киру на работу.

Я не знала, когда Сергей впервые привел Киру. Фраза дочери задела это неизвестное место, но я удержалась от вопроса.

— Я не стану просить тебя собирать сведения об отце, передавать сообщения или выбирать сторону.

— Даже если это поможет тебе?

— Даже тогда.

Валерия села напротив. На ней была толстовка университетского бюро, рукава испачканы серым картоном. В детстве она после любого конфликта искала точную формулу, которая вернет порядок. Сейчас такой формулы у меня не было.

— Он с Кирой? — спросила она.

— Да. По его словам, семь месяцев.

Дочь опустила глаза на стол.

— Ясно.

— Ты знала?

— Я знала, что она часто рядом. Остальное пусть папа рассказывает сам.

Это была граница. Я могла нажать, напомнить, сколько раз защищала ее перед отцом, попросить всего один ответ. Вместо этого открыла коробку с пирожными.

— Хорошо. Сам.

— Ты сердишься?

— На тебя — нет.

— А на него?

— Да.

Она кивнула. Прямой ответ оказался полезнее успокаивающей речи.

Мы съели по пирожному и посмотрели ее макет. Валерия объяснила, почему перенесла главный вход и как разделила поток посетителей со служебным транспортом. Я задала два вопроса по разгрузке, она внесла пометки в блокнот. Через час собрала вещи и ушла к себе.

Перед дверью обернулась:

— Мама, еще одно. Не говори папе, что я тебя поддерживаю. И ему не скажу, что поддерживаю его. Я вообще пока никого не поддерживаю.

— Договорились.

После ее ухода я записала в верхней строке новой страницы: «Валерия не посредник и не источник».

Затем вернулась к архиву. К вечеру нашлись одиннадцать доверенностей, три сертификата о повышении квалификации и ежедневник за две тысячи восемнадцатый год. Я внесла их в опись, не пытаясь превратить каждую старую запись в доказательство.

В воскресенье мы встретились снова. Я принесла опись и копии. Марина пролиستала список и отделила документы, которые можно было приложить к запросам, от тех, что пока оставались частью моей личной хронологии.

— Теперь доход, — напомнила она. — У вас есть два месяца обычных расходов, если не считать новые услуги. Что вы умеете делать за деньги вне компании мужа?

— То же, что делала там.

— Кто об этом знает?

— Поставщики, руководители участков, несколько заказчиков.

— Кто из них когда-либо платил именно вам?

Я перебрала имена и не нашла ни одного.

— Никто.

— Тогда вопрос точнее. Кто видел результат и способен рекомендовать вас без согласия Сергея?

Ответ появился сразу.

— Олег Савельев. Поставщик противопожарных дверей. И еще Николай Руденко, у него логистическая компания.

Марина записала оба имени.

— Позвоните не с просьбой спасти вас. Спросите, есть ли на рынке задача, за которую готовы заплатить.

Я посмотрела на шесть страниц первого списка. Вчера он доказывал мне, сколько всего я отдала. Сегодня мог стать перечнем услуг, если убрать слова о семье и оставить работу.

— Хорошо, — сказала я. — Позвоню.

Впервые вопрос заключался не в том, кому я еще нужна. Важно было понять, что именно я умею предложить.

ГЛАВА 3. Чужой объект

Николай Руденко перезвонил в воскресенье вечером и первым делом спросил, знает ли Сергей, что я ищу работу.

— Теперь знает, — ответила я.

— И как отнесся?

— Пока считает это эмоциями.

— Понятно. Значит, серьезно.

Николай владел небольшой логистической компанией и умел оценивать решение по тому, сколько неудобств оно пережило. Мы познакомились двенадцать лет назад, когда его водитель отказался выгружать металлические двери без отметки о состоянии упаковки. Сергей требовал начать разгрузку, прораб торопил, а я настояла на фотографиях и акте. Внутри двух коробов оказались погнутые полотна. Николай с тех пор называл меня человеком, который способен потерять полчаса и сберечь неделю.

— Есть один объект, — сказал он. — Бывшее трамвайное депо. Заказчик меняет команду после срыва этапа. Им нужен кто-то по координации, но там неприятная деталь.

— Какая?

— Предыдущий подрядчик — «Северный контур».

Я посмотрела на папки, разложенные в гостиную.

— Тогда им нужен человек без связи с компанией Сергея.

— Им нужен человек, который за три дня поймет, почему материалы ездят между складами, а решения стоят. Я обещал передать контакт, не поручиться за святую биографию.

— Передавай. Связь раскрою сразу.

Через час мне написала Тамара Богданова, исполнительный директор АНО «Открытые мастерские». В сообщении было четыре строки: адрес, время, фамилия человека на проходной и просьба принести перечень проектов, в которых я выполняла операционную координацию.

Составление перечня заняло два вечера. Я не могла назвать себя руководителем проектов, потому что официально им был Сергей или назначенный им сотрудник. Писать «помогала мужу» после разговора у адвоката я тоже не собиралась. В итоге указывала объект, задачу, свой фактический результат и человека, способного подтвердить сведения. Без должности. Без красивого названия роли.

В среду я приехала к депо за двадцать минут до встречи.

С улицы здание выглядело как несколько разных эпох, которые соединили общей кирпичной стеной. Старый корпус с высокими окнами тянулся вдоль путей, к нему примыкали поздние мастерские из серых блоков. У ворот стояли две фуры. Одна была пустой, вторая ждала разгрузки; водитель ходил рядом с кабиной и говорил по телефону.

На проходной проверили паспорт, выдали каску и провели в штабной модуль. Тамара Ильинична встретила меня у стола, занятого планами. Ей было около пятидесяти пяти, седые волосы собраны на затылке, на темном пиджаке висел временный пропуск.

— Спасибо, что приехали, — сказала она. — Николай предупредил о вашей связи с прежним подрядчиком. Обсудим ее до объекта.

Рядом с окном стоял мужчина в рабочей куртке поверх рубашки. Высокий, худощавый, с заметной сединой. Он закрыл ноутбук, но не убрал руку с крышки.

— Павел Горин, технический директор проектной команды.

— Инна Астафьева.

Он знал фамилию. Это стало понятно по короткой паузе перед рукопожатием.

— Вы супруга Сергея Астафьева? — спросил он.

— До десятого ноября. Сейчас мы оформляем развод и спорим об имуществе.

Тамара Ильинична отодвинула для меня стул.

— Нас интересует конфликт по объекту, — сказала она. — Личная сторона останется за пределами работы, если может там остаться.

— Может с моей стороны.

— А со стороны Сергея Павловича? — спросил Павел.

— Это лучше спросить у него.

Он принял ответ без улыбки.

— У вас сохранился доступ к корпоративной документации «Северного контура»?

— Нет. Корпоративную почту закрыли в августе.

— К локальным копиям, внутренним таблицам, коммерческим условиям подрядчиков?

— У меня есть личная переписка и мои экземпляры старых доверенностей. Для вашего проекта использовать их не стану.

— Даже если там есть недостающий график?

— Особенно тогда. Иначе вы получите решение вместе с новым спором.

Павел посмотрел на Тамару Ильиничну.

— Нам потребуется письменное раскрытие связи и обязательство не использовать закрытые сведения.

— Подготовьте форму. Я прочитаю.

— Вы всегда отвечаете юристу внутри собственной фразы?

— Последнюю неделю — да.

Тамара Ильинична положила перед нами схему объекта.

— Хорошо. У нас нет времени проверять, понравится ли вы друг другу. К пятнадцатому ноября мы должны подтвердить банку освоение этапа и исполнимый график. Прежний подрядчик сорвал срок, договор расторгнут. Новая команда приняла объект пять дней назад. На бумаге готовность шестьдесят восемь процентов. Фактически никто не готов назвать последовательность оставшихся работ.

— Что вы хотите получить от меня? — спросила я.

— Пока ничего, — ответил Павел. — Сначала понять, откуда у вас квалификация, которой нет в трудовой книжке.

Я передала ему перечень. Он прочитал первую страницу, затем вторую.

— Здесь написано: «восстановлена поставка металлоконструкций после отказа перевозчика». Что сделали лично вы?

— Разделила спор на три части. Завод требовал предоплату за хранение, перевозчик — новую цену из-за простоя, объект не принимал груз без ночного окна. Я получила от объекта письменное окно, от перевозчика расчет простоя и согласовала с заводом частичную оплату после отгрузки.

— Кто подписал изменение?

— Сергей.

— Кто нес риск?

— Компания.

— Тогда почему результат ваш?

— Потому что до моей работы у трех сторон были требования, после — согласованный порядок. Подпись Сергея дала ему силу. Я не заявляю, что имела его полномочия.

Павел перелистнул страницу.

— Кто подтвердит?

— Директор завода, перевозчик и руководитель объекта. Контакты указаны.

Он задал еще шесть вопросов. Два проекта я помнила точно. По одному признала, что не могу отделить свое решение от работы главного инженера. Еще в одном мой вклад сводился к

организации встреч, и я так и сказала. К концу разговора перечень стал короче на три позиции. От этого оставшиеся выглядели надежнее.

— Пойдемте на объект, — решила Тамара Ильинична. — На собеседованиях у нас уже все умеют работать.

Мы надели каски и жилеты. Павел проверил запись о вводном инструктаже, только после этого открыл дверь в производственный корпус.

Внутри было холоднее, чем в модуле. На старых стенах сохранились участки кирпича, очищенные до ровного красного цвета, рядом тянулись новые кабельные лотки. В центральном пролете стояли леса. Рабочие монтировали каркас будущих учебных мастерских, но часть площадки пустовала.

— Что здесь должно происходить сегодня? — спросила я.

— Монтаж внутренних перегородок и разгрузка окон для северного фасада, — ответил Павел.

— Перегородки монтируют?

— В правом крыле.

— А окна?

Он указал на фуру за воротами.

— Почему ждут?

— Не подготовлена зона разгрузки.

— Кто готовит?

— Генподрядчик новой очереди.

— Кто подтверждает готовность?

— Технический надзор.

— Подтверждение запрашивали?

— Вчера.

— Письменно?

Павел посмотрел на меня.

— Вы начали аудит до того, как получили задачу?

— Я пытаюсь понять, что вижу.

— Запрашивали письменно. Ответа нет.

У северной стены начальник участка спорил с женщиной в белой каске. Я не слышала слов, но рядом с ними на временном столе лежали два разных комплекта планов. Один был развернут на листе с синей рамкой, второй — на планшете.

— Можно подойти? — спросила я.

Павел кивнул.

Женщина оказалась представителем проектировщика, мужчина — руководителем участка новой подрядной организации. Они обсуждали проем, который на рабочем чертеже имел одну ширину, а в уточненной модели — другую.

— Как это связано с разгрузкой? — спросила я после представления.

— Напрямую никак, — ответил начальник участка. — Нам не принимают подготовку зоны, пока не закрыто замечание по проему. Технадзор считает участок единым фронтом.

— Почему замечание не закрыто?

Проектировщик развернула планшет.

— Изменение согласовано заказчиком, но генподрядчик не выпустил обновленный график. Я не могу передать модель в производство без номера решения.

Начальник участка возразил:

— График не выпускают, пока вы не укажете срок выдачи модели.

— Я указала: два рабочих дня после номера решения.

— А заказчик не ставит номер без графика.

Они говорили об одном и том же круге с разных точек. За воротами работал двигатель фуры. Водителю оплачивали ожидание, окна занимали транспорт, подготовленная бригада не могла начать разгрузку. При этом техническая проблема проема не мешала выделить безопасную площадку. Ее связали с разгрузкой одним общим замечанием, потому что никто не разделил ответственность.

— Покажите запрос технадзора, — попросила я.

Начальник участка нашел письмо. В нем перечислялись четыре замечания к северному фронту без указания, какие из них блокируют разгрузку, а какие — монтаж.

— Кто может разделить замечания? — спросила я Павла.

— Технический надзор после обращения заказчика.

— Кто направляет обращение?

— Генподрядчик через оператора проекта.

— Направлял?

— Общий ответ отправили утром.

— Общий ответ оставляет общий запрет.

Павел взял телефон и попросил принести журнал замечаний. Через несколько минут подошел Рашид Юсупов, руководитель технического надзора. Он выслушал Павла, прочитал письмо и сказал, что готов отдельно осмотреть площадку разгрузки, если получит схему безопасного движения техники и подтверждение ответственного за ограждение.

Начальник участка начал объяснять, что схема входит в обновленный график. Я остановила его вопросом:

— Для схемы движения вам нужен новый проем?

— Нет.

— Срок модели?

— Тоже нет.

— Тогда сколько времени?

Он посмотрел на площадку.

— Сорок минут. Если мастер сейчас свободен.

Мастер был занят в правом крыле, где монтировали перегородки. Перегородки, в свою очередь, ждали доставки направляющих со временного склада. Машина с направляющими должна была заехать после фуры с окнами.

Павел проверил время.

— Снимаем мастера на сорок минут. Перегородки потеряют час, окна — остаток дня, если не снимем.

Начальник участка согласился. Рашид назначил осмотр через час и продиктовал, какие документы нужны. Проектировщик получила номер отдельного решения по проему и ушла готовить модель.

Мы вернулись в штабной модуль, когда фура еще стояла у ворот, но рядом с ней уже выставляли ограждение.

— Вы знали структуру прежнего графика? — спросил Павел, едва дверь закрылась.

— Нет.

— Быстро нашли нужную точку.

— Я не нашла техническое решение. Я спросила, почему один запрет блокирует два разных действия.

— На прежнем объекте вы делали так же?

— На любом объекте люди связывают задачи, потому что им удобнее получить одно согласование. Потом одна задержка держит пять работ. Для этого не нужна таблица Сергея.

Тамара Ильинична сняла каску и села во главе стола.

— Нам нужен аудит всей цепочки до субботы, восемнадцати ноль-ноль. Что стоит, кто вправе решить, какой документ отсутствует, сколько стоит простой и что можно разделить. Только по материалам, которые мы официально предоставим.

— Объем доступа? — спросила я.

Павел перечислил: действующий график, реестр замечаний, договорные вехи без закрытых цен других участников, журнал поставок, протоколы за последние две недели. Переписка прежнего подрядчика в пакет не входила.

— Итоговый формат?

— Карта зависимостей и план на четыре недели, — сказала Тамара Ильинична. — С перечнем решений по владельцам.

— Стоимость?

Она назвала восемьдесят пять тысяч рублей до налога.

Я ожидала, что после этого кто-то добавит: если получится. Или: сначала покажите, на что способны. Вместо этого Павел открыл шаблон договора, а Тамара Ильинична назвала порядок приемки.

— Мне нужен пункт о конфликте интересов, — сказала я. — И прямое указание, что заказчик не требует сведений, полученных мной в прежней компании.

— Он уже есть в приложении, — ответил Павел. — Добавим вашу формулировку после проверки юристом.

— Когда я получу пакет?

— После подписи. Сегодня до шестнадцати.

Я прочитала договор на экране, попросила прислать на почту и позвонила Марине из пустого коридора. Она была на встрече, но через пятнадцать минут ответила сообщением: «Проверю до трех. Ничего из материалов Сергея не передавать. Связь раскрыть письменно».

К трем часам ее замечания вошли в документ. В половине четвертого я подписала договор электронной подписью и получила доступ к папке проекта.

Павел отправил отдельное письмо. В нем было семь ссылок и одна строка: «Пакет исчерпывающий для задания. Дополнительные сведения запрашивать через меня и оператора проекта».

Я ответила: «Принято. Первый список вопросов направлю сегодня до двадцати одного часа».

Через минуту пришло еще одно письмо.

«Поблажек из-за срока не будет».

Я посмотрела через окно модуля. Фура с окнами стояла у разгрузочной зоны, водитель открывал кузов. Один круг решений мы разорвали. Остальные только предстояло увидеть.

«Я о них не просила», — написала я.

И открыла действующий график.

ГЛАВА 4. Семьдесят два часа

К полуночи я перестала различать важное и срочное.

В официальной папке проекта лежали семь версий графика. Последняя называлась «финал_актуальный_3», но дата внутри была старше двух предыдущих файлов. Реестр замечаний обновили во вторник, журнал поставок — в понедельник, протокол совещания за среду еще не загрузили. Каждый документ отдельно выглядел рабочим. Вместе они описывали разные объекты.

Я закрыла файлы и вернулась к первому вопросу: что именно должно быть готово к банковской проверке пятнадцатого ноября. В договорных вехах нашлись четыре измеримых результата: закрытый контур северного фасада, завершённые инженерные сети в правом крыле, готовность двух учебных мастерских к отделке и подтверждённый заказ оборудования.

Остальные строки графика имели смысл только в связи с этими четырьмя.

Я завела таблицу. В левом столбце — результат, дальше действие, владелец решения, документ, срок, цена задержки. Пустых ячеек оказалось больше заполненных. Раньше я позвонила бы каждому знакомому и к утру собрала ответы. По новому договору мне требовалось не только получить сведения, но и оставить способ проверить их без меня.

В восемь утра я отправила Павлу первый список из двадцати трех вопросов. Через семь минут пришел ответ: одиннадцать адресованы не ему. Он добавил фамилии и должности тех, кто имел право отвечать.

«Перенаправить?» — спросила я.

«Ставьте меня в копию. Ответственность должна остаться у владельцев».

Фраза раздражала своей правильностью. В «Северном контуре» владельцем срочной задачи часто становился тот, кто первым поднял трубку. Обычно я.

До обеда ответили шестеро. Генподрядчик прислал обновленный перечень бригад, проектировщик назвал сроки моделей, Рашид приложил разделенный реестр замечаний. По северному фасаду обнаружилась новая петля: окна находились на объекте, крепеж — на временном складе, а выдачу крепежа склад связывал с подтверждением оплаты хранения. Бухгалтерия АНО считала хранение расходом прежнего подрядчика и не могла платить без решения о переходном периоде. Новый генподрядчик отказывался принимать чужой долг.

Я добавила строку: «Кто вправе решить судьбу спорного хранения?» Ячейка осталась пустой.

В половине второго позвонил Игорь Чернов, бывший руководитель снабжения «Северного контура».

— Инна Сергеевна, слышал, вы теперь на депо.

— От кого?

— На рынке быстро узнают. У меня сохранилась наша таблица переходных поставок. Там все разложено: чей материал, кто оплатил, какие письма были. Могу переслать на личную почту.

— Не надо.

— Почему? Это же вы ее собирали.

— Она принадлежит компании и создавалась для прежнего договора.

— Половина сведений все равно у заказчика.

— Тогда я получу их от заказчика.

Игорь помолчал.

— Сергей запретил с вами разговаривать, — сообщил он тише. — Но без этой таблицы они еще неделю будут искать концы.

— Не нарушайте запрет ради меня. Если вас вызовут официально, отвечайте за то, что знаете сами.

— Вы серьезно?

— Да.

После разговора я сделала служебную запись: время, имя, содержание предложения, отказ. Отправила Павлу и Тамаре Ильиничне. Через минуту Павел спросил, успел ли Игорь передать файл. Я ответила, что нет.

«Тогда не удаляйте журнал вызовов», — написал он.

Я сохранила снимок экрана. Раньше такой обмен показался бы мне недоверием. Теперь это был единственный способ не спорить потом о том, что произошло.

К вечеру выяснилось, что решение по хранению вправе принять Тамара Ильинична в пределах резервного бюджета, если юрист подтвердит отсутствие двойной оплаты. Но одной оплаты было мало. Крепеж требовалось сопоставить с новой спецификацией окон, а проектировщик еще не выпустил ведомость после изменения двух проемов.

Я позвонила Павлу.

— Нам нужно совещание завтра в девять. Заказчик, новый генподрядчик, проектировщик, склад, технадзор и юрист.

— Шесть человек ради крепежа?

— Ради решения, которое сейчас разделено между шестью людьми. Если собрать меньше, отсутствующий снова станет причиной ждать.

— Повестка?

— Отправлю через двадцать минут. По каждому пункту будет вопрос, владелец и требуемый итог.

— Сколько времени просите?

— Сорок пять минут.

— Дам тридцать пять.

— Тогда склад подключается только к своему пункту.

— Согласен.

Утром в штабном модуле не хватило одного стула. Я уступила свой юристу АНО и осталась у торца стола. Павел открыл встречу ровно в девять и передал мне слово.

— У нас три решения, — сказала я. — Первое: кто оплачивает хранение. Второе: кто подтверждает соответствие крепежа новой спецификации. Третье: кто и когда принимает груз. Обсуждаем по отдельности.

Представитель генподрядчика попытался начать с истории расторжения прежнего договора. Я остановила его:

— История понадобится юристу для первого решения. Для технического соответствия она ничего не меняет.

Юрист подтвердил: заказчик может оплатить хранение из резерва с последующим учетом требований к прежнему подрядчику, если склад выставит отдельный счет и акт. Тамара Ильинична дала согласие в пределах лимита. Склад обязался прислать документы до полудня.

Проектировщик открыл ведомость. Павел сверил позиции и заметил, что часть крепежа требует лабораторного подтверждения после изменения материала основания.

— В вашем плане выдача со склада стоит сегодня, монтаж завтра, — сказал он мне. — Испытание занимает двое суток.

— Его нет в переданном графике.

— Потому что изменение основания внесли вчера. Протокол загрузили утром.

Я открыла новую версию и нашла запись.

— Тогда выдача сегодня остается, монтаж переносим на субботу после результата.

— Хранить на объекте где? — спросил генподрядчик.

Свободного закрытого помещения не было. Если везти крепеж сейчас, он снова займет транспортную зону и создаст новый простой.

— Выдачу тоже переносим, — сказала я. — Склад получает оплату хранения до субботы. Лаборатория забирает образцы сегодня. Заказчик подтверждает дополнительный день хранения отдельной строкой.

— Банк увидит задержку, — напомнила Тамара Ильинична.

— Банк увидит график, в котором материал монтируют после испытания. В старом графике срок был раньше, но выполнить его уже невозможно.

Павел смотрел на таблицу. Я ожидала спора о том, почему не предусмотрела испытание. Он сказал:

— В протоколе фиксируем, что решение изменено после получения новых технических данных. Ответственный за испытание — я. За координацию доставки после результата — Инна Сергеевна.

Совещание закончилось через тридцать две минуты. У каждого решения появились фамилия, срок и документ. Никто не вышел особенно довольным. Это был хороший признак: мы распределили цену, а не переложили ее на одного отсутствующего.

После встречи Павел задержал меня у экрана.

— Вы могли оставить выдачу в своем плане и сослаться на неполный пакет.

— Могла. Тогда в субботу мы обсуждали бы, кто должен вывозить крепеж обратно.

— Обычно консультанты защищают первый отчет.

— Обычно им платят за отчет или за результат?

— По-разному.

— Мне — за результат.

Он впервые улыбнулся. Коротко, без попытки сделать разговор личным.

— Это еще предстоит проверить.

Следующие сутки я собирала оставшиеся цепочки. По правому крылу электрики ждали исполнительную схему, отделочники — закрытие скрытых работ, поставщик светильников — уточнение высоты подвеса. Все три задержки сходились в одной точке: проектировщик не получал свод замечаний от технического надзора в согласованном формате. Мы назначили шаблон и ежедневное окно передачи.

По учебным мастерским проблема была финансовой. Оборудование заказали, но аванс завис из-за несоответствия названия получателя в договоре и банковской гарантии. Юрист и бухгалтер исправили документы за день. Никаких переговорных подвигов не требовалось; требовалось, чтобы один человек увидел, почему бухгалтерия молчит, а поставщик пишет все более раздраженные письма.

В субботу к пяти часам карта заняла двенадцать страниц. На первой помещались четыре договорные вехи. На следующих — решения, владельцы, сроки, документы и стоимость простоя. Отдельно я указала сведения, которых не хватало, и риски, которые не могла оценить без технического заключения.

Павел прочитал отчет в соседней комнате. Тамара Ильинична задавала вопросы по бюджету. Рашид проверил раздел замечаний и исправил два названия актов. Я внесла изменения, сохранила итоговый файл и отправила всем участникам до восемнадцати ноль-ноль.

На приемке Павел начал с лабораторного испытания.

— Если результат окажется отрицательным, ваш четырехнедельный план потеряет два дня.

— Три, — поправила я. — Еще день нужен на подбор замены и обновление логистики.

— Почему в таблице резерв два?

Я проверила строку. Он был прав.

— Ошибка. Исправлю резерв по северному фасаду и сдвину некритичную поставку мебели.

— Это затронет готовность мастерской.

— Не затронет отделку. Мебель нужна позже. Договорная веха требует готовности помещения, а не установленной мебели.

Тамара Ильинична сверилась с договором.

— Верно. Внесите до семи.

Я отправила исправленную версию в восемнадцать сорок три. В девятнадцать десять пришел подписанный акт по аудиту.

— Мы готовы предложить вам четыре ежемесячных этапа, — сказала Тамара Ильинична. — Операционная координация, отчеты раз в неделю, приемка результата по каждой договорной вехе. Двести двадцать тысяч за этап до налога.

Сумма была выше той, которую я позволила себе предположить. Я не стала отвечать сразу.

— Мне нужен проект договора, описание полномочий и порядок доступа к данным. Я не принимаю решения технического надзора и не управляю сотрудниками подрядчиков.

— Именно поэтому вы нам подходите, — сказала она. — Вы уже дважды назвали, чего не можете.

Павел закрыл отчет.

— Добавьте порядок раскрытия новых пересечений с прежним подрядчиком. Они еще появятся.

— Добавлю, — ответила я.

Мы вышли из модуля вместе. За три дня северный фасад остался незавершенным, мастерские — закрытыми, старые ошибки — неисправленными. Зато фура уехала, испытание началось, аванс по оборудованию подготовили к оплате, и шесть решений больше не ждали человека, которого не существовало в графике.

Вечером Тамара Ильинична прислала проект договора. В разделе «Предмет» стояло: «Исполнитель осуществляет операционную координацию проекта».

Я прочитала фразу дважды. Потом открыла комментарии и начала уточнять границы работы.

ГЛАВА 5. Семейная версия

В понедельник утром у меня было двенадцать непрочитанных сообщений от людей, с которыми я работала годами.

Никто не спросил, как прошел мой разговор с Сергеем. Бывший начальник участка хотел знать, правда ли я передала заказчику внутренний график депо. Сотрудница снабжения писала, что в офисе говорят о моей обиде на Киру. Прораб из Арзамаса просил позвонить поставщику, потому что «вас он хотя бы слушает». Два человека прислали одинаковую фразу: «Не рушьте компанию, там живые люди».

Я открыла ноутбук и создала документ с названием «Ответы». В первой строке написала: «Я не передавала закрытые материалы и не участвую в управлении ООО». Перечитала. Фраза была точной, но массовая рассылка превратила бы меня в участника спора, правила которого установил Сергей.

Документ я закрыла без сохранения.

Алексею, начальнику участка, ответила отдельно: «Закрытые материалы не передавала. Остальное обсуждайте с руководством». Прорабу из Арзамаса написала, что больше не представляю компанию и не могу вести переговоры от ее имени. Остальные сообщения оставила без ответа.

Кира напомнила о контакте поставщика огнестойких перегородок. Я указала общий адрес отдела продаж, опубликованный на сайте, и добавила: «Личный номер без согласия владельца не передаю».

Она ответила через минуту: «Поняла, спасибо».

Ни упрёка, ни насмешки. Это раздражало меньше, чем если бы она попыталась продолжить разговор, и больше, чем мне хотелось признать.

В десять началась видеовстреча по договору с «Открытыми мастерскими». Со стороны АНО подключились Тамара Ильинична и юрист, со стороны проектной команды — Павел. Марина прислала замечания заранее и не участвовала: договор был моей работой, ее задача закончилась на проверке условий.

Мы прошли по каждому пункту. Четыре этапа были привязаны к месячным вехам; первый, короткий, закрывал конец октября. Его результатом становились согласованный оперативный график и еженедельные отчеты; второго — закрытие договорных вех ноября; дальше шли поставки оборудования и подготовка к приемке. Я не подчинялась внутреннему распорядку АНО, сама определяла рабочее время, но обязалась присутствовать на заранее согласованных совещаниях и выезжать на объект по заявкам.

— Здесь указано, что исполнитель координирует подрядчиков, — сказала я. — Прошу заменить на «координирует взаимодействие». Я не имею права выдавать им распоряжения.

Юрист внес правку.

— В приложении есть право заказчика запрашивать дополнительные сведения, — продолжила я. — Нужна граница: только относящиеся к предмету договора и полученные законно.

— Добавим, — сказала Тамара Ильинична.

Павел листал документ на втором экране.

— В разделе о конфликте интересов предлагаю срок уведомления: один рабочий день с момента, когда пересечение стало известно.

— Согласна, если срочный риск сообщается сразу, — ответила я.

— Почему разделяете?

— Потому что новый знакомый поставщика и спорная поставка на объекте требуют разной скорости.

— Принимается.

К полудню остался один вопрос: досрочное прекращение договора. АНО хотело право отказаться от моих услуг при любом нераскрытом конфликте. Я попросила уточнить, что нарушение должно быть существенным и подтвержденным, а до решения мне дают возможность представить объяснение, если нет угрозы безопасности или утраты данных.

— Вы готовитесь спорить еще до начала работы? — спросил Павел.

— Я готовлю порядок на случай, если спор возникнет.

— Это разные вещи?

— Для человека, который вчера требовал фиксировать владельца каждого решения, вопрос неожиданный.

Тамара Ильинична кашлянула, скрывая улыбку. Павел опустил взгляд к документу.

— Формулировка разумная, — сказал он.

Мы договорились подписать финальную версию вечером. До этого мне требовалось зарегистрироваться как плательщику налога на профессиональный доход и получить справку о постановке на учет. Я открыла приложение банка, проверила условия и заполнила заявление. Через несколько минут статус подтвердился. Быстрота процедуры не делала меня предпринимателем с готовой системой учета. Она только определяла, кто и как заплатит налог с первого дохода.

В половине первого позвонил Сергей.

— Ты действительно заключаешь договор с «Открытыми мастерскими»?

— Откуда ты знаешь?

— Мне сообщили, что ты провела аудит на депо.

— Кто сообщил?

— Это неважно.

— Тогда я не смогу оценить источник.

— Инна, прекрати разговаривать со мной как на совещании.

Я встала из-за стола и подошла к окну. Во дворе разгружали продукты для магазина на первом этаже. Грузчик сверял коробки с накладной, водитель ждал отметку. Обычная работа имела получателя, количество и подпись.

— Что ты хочешь? — спросила я.

— Чтобы ты отказалась от договора. Они используют тебя против компании.

— Как именно?

— Ты знаешь наши слабые места, поставщиков, цены, людей.

— Я письменно отказалась использовать закрытые сведения. Работаю только с материалами заказчика.

— И ты веришь, что сможешь забыть все, что видела двадцать лет?

— Нет. Поэтому раскрыла конфликт и ограничила доступ. Если увижу пересечение, сообщу.

— Слушать это странно после того, как ты заявила права на мою долю.

— Мы обсуждаем мою работу или имущество?

— Они связаны, и ты прекрасно это понимаешь. Ты пошла на объект, который мы потеряли, через неделю после разговора о разводе.

— Мне предложили оплачиваемую задачу. Компания считает, что я в ней не работала. Значит, я не увольнялась, не связана запретом конкуренции и не получаю от вас доход.

Он молчал несколько секунд.

— Сегодня в четыре придет поставщик из Дзержинска, — сказал Сергей. — Они отказываются подтверждать старую цену и держат партию до оплаты. Ты знаешь директора. Позвони ему.

— От чьего имени?

— От моего.

— У меня нет доверенности.

— Ему не нужна доверенность, чтобы взять трубку.

— Что я должна предложить?

— Напомни, как мы вытаскивали их прошлой зимой. Убедись, что он приедет.

— И какое решение ты примешь на встрече?

— Разберемся на месте.

Я знала этот порядок. Сначала я добивалась присутствия человека, выясняла предел уступки, готовила две схемы. Сергей входил на встречу, выбирал одну и объявлял, что нашел решение.

— Я могу рассмотреть отдельную консультацию, — сказала я. — Нужны письменная задача, исходные документы, оплата и подтверждение, что мое участие раскрыто второй стороне.

— Ты предлагаешь мне заплатить за один звонок?

— За звонок платить не надо. Его я не сделаю. Если нужна работа, опишите результат.

— Ты сейчас наказываешь меня.

— Нет. Я называю условия.

— Между супругами не бывает условий на каждый разговор.

— Мы подали заявление о разводе. А в компании, по твоим словам, меня нет. Какая из этих двух связей обязывает меня работать бесплатно?

Он шумно втянул воздух, затем заговорил тише:

— Люди получают зарплату с этого платежа.

— Тогда тем более нужен человек с полномочиями и документами, а не твоя жена по телефону.

— Я перезвоню, когда ты успокоишься.

— Не надо. Пусть Вадим направит предложение Марине, если оно связано с соглашением. Рабочую задачу можешь прислать мне на почту.

Он завершил разговор.

В четыре часа я встретила с Валерией в кафе возле ее университета. Она опоздала на девять минут, положила на соседний стул тубус и сразу сказала:

— Папа просил передать, что ты работаешь на конкурента.

— А ты?

— Я передала. Теперь официально сообщаю, что больше не буду.

Она заказала чай и сырники, хотя было время позднего обеда. Я выбрала суп, потому что утром ограничилась кофе и хлебом. В последние дни я слишком легко забывала еду, если в таблице оставалась пустая строка.

— АНО не конкурент «Северного контура», — объяснила я. — Это заказчик объекта. Новый подрядчик тоже не мой работодатель. Я отвечаю за координацию.

— Можешь не защищать передо мной диссертацию.

— Ты спросила.

— Я не спросила. Я сказала, что папа просил передать.

— Верно.

Валерия посмотрела на меня поверх чашки.

— Он еще попросил сказать, что ты всегда избегала официальной ответственности, а теперь изображаешь, будто тебя не пускали.

Я положила ложку.

— Это его слова?

— Почти дословно. Я хотела ответить, что он мог оформить тебя в любой момент. Потом решила, что это снова участие в вашем споре.

— Правильно решила.

— Мне от этого не легче.

— Знаю.

— Не знаешь. Вы оба двадцать лет рассказывали, что компания семейная. Когда надо было отменить отпуск, потому что у папы объект, мы отменяли. Когда я просила тебя приехать на выступление, ты иногда не могла из-за поставки. Теперь он говорит, что ты просто помогала, а ты говоришь, что работала. Где правда была раньше?

Вопрос не относился к суду. На него нельзя было ответить выпиской.

— Мы называли удобную версию, — сказала я. — Сергею было удобно считать компанию своей ответственностью. Мне было удобно считать, что мое место надежно и без договора. Тебе достались последствия обоих решений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.